

Шиллер в сибирской степи

Но все же действие романа Толстого относится к 1919 году, мы же живем в 1965-м. Как же важно, чтобы театр не эксплуатиро-

Недавно мне довелось путешествовать вместе с областным драмтеатром по сельским районам области. Разнообразен репертуар этого коллектива: две сказки для детей (они идут перед основными спектаклями). «Якорная площадь» Штока. «Дальняя дорога» Арбузова. «Добрый человек из Сезуана» Брехта. «Коварство и любовь» Шиллера, современные советские вещи, классика, современная западная драматургия. И все это имеет широкий доступ на сцене.

Декорации театра (главный художник Игорь Рылов) лаконичны и изобразительны. Наряду с опытными актерами, такими, как, например, заслуженные артисты РСФСР Н. Фомина и Н. Филиппова, в театре работает одаренная молодежь — С. Вагайцева, бесконечно пластичная в сказке «Иван Медведь» и очень современная, женственная в спектакле по Брехту: В. Решетников с его своеобразной манерой разговаривать и юношеской непосредственностью; В. Борисенко — органичный и острый фон Кальба в спектакле «Коварство и любовь», музыкальный в роли летчика в «Добром человеке из Сезуана».

Но главное, в театре ощущается коллектив, есть свои традиции: ответственность каждого за целое, собранность, подлинность. Артисты то заняты в больших ролях, то выходят в эпизодах, равно относятся к этим разным творческим нагрузкам. Главный режиссер С. Иоаниди — человек, на мой взгляд, хорошо чувствующий современность и принципы народного театра с его

разнообразием выразительных средств и особенностями работы в областных условиях.

...Придерживаясь графика «обслуживания», бегает маленький театральный автобус по степному краю. Выедет с базы — райцентра Краснозерска и уволит артистов далеко от коек-раскладушек, поставленных в школьном классе. Выедет часа в два дня, вернется часа в три ночи.

Висит дорожная пыль в неподвижном зное. Впереди автобус, сзади — трехтонка с декорациями. Если по прихоти озорного водителя, которому надоело глотать пыль, машины поменяются местами, сразу ляжет на актерские лица серый покров. На свой лад заgrimмирует дорога.

Не заглядывайте в городские программы театра — начало спектакля не в семь, а в десять, и сегодняшний театральный зритель еще трудится. Потянется он на огонек театра только когда ступятся сумерки и засуетится мошка. Для актеров первой вестью скорого начала будет не первый звонок, а многоголосое мычанье стада. Пройдут коровы на дойку мимо зерносклада, где сегодня играет театр, разбредутся, частью по дворам, частью в колхозные загонки на дойку. Женщины, позвонив пустыми ведрами, усуюют одно кино просеять афишу: Шиллер. «Коварство и любовь».

Четыре подвесные лампочки слепят глаза. За дощатым столом в ряд сидят исполнители, неотрывно глядясь в дорожные зеркала, грядируются. пышные парики шиллеровской эпохи, бархатные камзолы

с мишурой и золотым шитьем, кружевные манжеты рубаш, шляпы с затейливой рюшью, прусский мундир Фердинанда — все это красочно развешано по стенам зерносарая. Бревенчатая фактура стен странно вяжется с этой костюмировкой; не Петр ли започевал здесь со своими гостями из немецкой слободки?

Сарай заметно остывает, словно давно протопленная русская печь, но пока еще актеры не рискуют

ТЕАТР И ЗРИТЕЛЬ

надеть одежды другого века. Костюмеры хлопчут у оцинкованных ящиков. Гримсер колдует над волосами актрис. Театр тихо и сосредоточенно готовится шагнуть в восемнадцатый век.

Три грузопика, подстроившись друг к другу и откинув борта, глядя в сторону актеров. Смонтированы лестницы-входы. Такой импровизированной площадкой разделен теперь зерносклад на зрительный зал и закулисную часть.

Что-то не ладится с магнитофоном. Звонкий председатель с этого момента начал свое молилосьное мостание на мотоцикле, то за более опытным электриком, то за досками для лакок-партера, то для «организации ухи, то за женой и дочкой — в помощь костюмерам. Закачался во всем этом удлинительная душойная работа о театре, о спектакле. Такая дружба театра со зрителем, и долготелая притом, думается, тоже одна из основ существования передвижного коллектива.

Зритель знает свой областной театр, а театр должен еще больше знать своего зрителя.

Под афишей у раскрытых ворот зерносклада уже сидят кассир и торгует оставшимися билетами. Жители, заметив пришедшиеся, с разных сторон села ручейками стекаются сюда. В руках у многих крупные силикатные кирпичи — будущее партерное место. Войдет зритель, глянет на зал, прикинет, откуда сподручней смотреть и слу-

шать, и по-хозяйски устроится на кирпичи или досточке, ряды в третьем. Так «на глазок» постепенно создается партер, в дословном переводе с латыни — сидение «на земле».

По мере углубления партера изобретательные зрители пристраиваются на амбарных лестницах, высоко уходящих к фермам, и перекрывают крыши. В самом конце зала рядком выстроились мотоциклы. Хозяева расселись кто на сидении, кто в коляске.

Ждут полеводческую бригаду, которая ездил сегодня на косовицу на другие угодья. Но вот глущихо со скрипом закрываются ворота. Последний зритель оперся о дальнюю бревенчатую стену сарая. Последний безбилетный пролез в дыру между землей и воротами. Начался спектакль...

Катарсис — греческое слово, которое в дословном переводе означает освобождение зрителя от переизбытка накопленных

чувств. Это, наверное, то неповторимое чувство наслаждения, которое испытывает человек, втянутый в переживание драматического действия, когда на его глазах борьба добра и зла силой авторского замысла и усиления актеров стремится прорваться к итогу, к зримому идеалу и достигает этого.

Парод всегда хорошо понимал эстетический идеал, на этом и основана сила катарсиса. И пусть это мудрое слово заимствовано из греческого словаря, его суть находит себя здесь, в сибирском селе, под действием театра. И пока при наступившей тишине совершается магия драмы, я вспоминаю эпизод из романа А. Толстого «Хмурое утро». Даша, организовав «представление пьесы «Разбойники» Шиллера, показала ее бойцам. «Публика поначалу грохотала хохотом, узнавая в размазавшем старике красноармейца Ванюша. «Никому (уже) не хотелось уезжать в этой гниющей красавице Анисье Назарову из второй роты». «О, бесчестный клеветник! — Анисья размахнулась, и вся тяжесть прошлой жизни легла в ее руки. «Правильно!» — и все захопало, потому что каждому хотелось так же стукнуть негодяя».

Вот она, извечная опора театрального зрелища — сам народ. То, что описал А. Толстой, кино и сегодня: родниковая вера зрителя в силу театра, отражающего жизнь, готовность принять на его рук эстетический идеал, свой собственный идеал, лишь сформулированный театром. В этом суть работы творческих коллективов на селе, в самой гуще народных масс.

А спектакль «Коварство и любовь» между тем продолжается. Уже ясна для зрителей расстановка сил на сцене, и теперь все следит за ходом интриги. Коварство, как хитрость, двуличие, соблазн, будит какие-то коварные ассоциации: вспоминают некоего Фомина, который рвался в председатели, а дорвавшись, выстроил себе дом и занялся приписками. Любовь, которую так жестоко ломают на сцене, рождает сочувствие: зал латыш, и небольшой голосок очень обаятельной Луизы — Г. Илльин свободной долетает до последних рядов. В какой-то момент желание слушать и смотреть сназалося очень своеобразно. Где-то впереди заплакал мальчишка лет трех, оставшийся матерью на оленю мальшам. И вот кричащего ребенка стали быстро и осторожно переправать по рукам от рампы к выходу.

Смотрит зритель пьесу Шиллера, следит за перипетиями драмы. Он весь — в готовности принять из рук мудрого автора идеал. И не налившие солнце жжет теперь людей, а жар монолога копоши Фердинанда. Я слышу единый вздох, вижу слезы на женском лице, зажатый смехок подростка (чтобы не расцалкаться) — это греческий катарсис на сибирской земле — освобождение от напала чувств, очищение сердца перед лицом эстетического идеала...

Л. ДУРАСОВ.
Режиссер.